

Д Ж У Л И Б Л Э Р

Это
всегда был
ты?

Джули Блэр

Это всегда был ты?

<https://litres.ru/74402012>

SelfPub; 2026

Аннотация

Эмили была уверена, что прошлое осталось там, куда она больше никогда не вернётся.

У неё другая жизнь, другие обещания и человек, которого она сама выбрала. Всё должно быть правильно.

Только правильные решения почему-то тоже могут причинять боль.

Можно не говорить о прошлом. Можно не задавать вопросов, ответы на которые ничего не изменят. Можно убедить себя, что всё давно закончилось.

Пока одна ошибка не заставляет усомниться во всём, в чём Эмили была так уверена.

Теперь ей придётся ответить на вопрос, которого она избегала слишком долго.

И впервые правильного ответа у неё нет.

Содержание

Пролог.	4
Глава 1. Эмили	9
Глава 2. Эмили	20
Глава 3. Эмили	35
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Джули Блэр

Это всегда был ты?

Пролог.

Я не могла дышать без него. Не так, как пишут в книгах, когда у героини темнеет в глазах и весь мир внезапно оставливается. Всё происходило гораздо тише. Иногда я ловила себя на том, что слишком долго не делаю вдох. Просто лежу, смотрю в потолок и будто забываю, что это нужно делать. Вдохнуть. Выдохнуть. Продолжить жить.

Хотя последние десять месяцев я почти не понимала зачем. Сначала я ждала его. Каждый раз, когда звонили в дверь, сердце на секунду замирало. Я представляла, как открою и увижу его на пороге. Он посмотрит на меня своими почти чёрными глазами и скажет, что всё это время тоже не мог без меня. И я прощу. Я проживала эту встречу сотни раз. Менялись его слова, мои ответы, время суток. Иногда я злилась. Иногда плакала. Иногда обещала себе, что даже не позволю ему войти. Но заканчивалось всё одинаково. Я обнимала его.

Наверное, поэтому я просила Бога вернуть мне его, хотя никогда толком не знала, верю ли вообще в Бога. Обещала, что стану другой. Что больше не повторю своих ошибок.

Что буду беречь каждую минуту рядом с ним, если мне дадут ещё хотя бы одну. А потом поняла то, чего совсем не хотела понимать. Его возвращение ничего не исправит. Не сотрёт того, что произошло между нами. Не заставит меня забыть некоторые слова. Не вернёт нас туда, где всё ещё можно было изменить. Но любить его от этого я не перестала. Наверное, именно это было хуже всего. Я удаляла фотографии, обходила знакомые места, запрещала себе произносить его имя даже мысленно. Не помогало. Память вообще плохо подчиняется приказам. Иногда он возвращался голосом незнакомого мужчины в толпе. Иногда запахом. Иногда какой-нибудь мелочью, значение которой понимала только я. И на несколько секунд всё снова становилось прежним. Самое страшное, наверное, в том, что я не хотела забывать. Даже когда воспоминания причиняли боль. Мысль о том, что однажды я могу перестать помнить его улыбку, пугала меня сильнее самой боли.

— Но если вы понимаете, что его возвращение ничего не изменит, почему продолжаете держаться за него?

Я поднимаю глаза. Мужчина напротив ждёт ответа. В его руках блокнот, но ручка неподвижно лежит между пальцами. Доктор Харрисон. Человек, которому я должна каким-то образом объяснить то, чего сама не могла понять почти год.

— Не знаю.

Он молчит. И это раздражает. Наверное, я ждала чего-нибудь привычного. Что мне нужно отпустить прошлое. При-

нять случившееся. Научиться жить дальше. Люди очень любят советовать жить дальше, когда жить дальше приходится не им.

— Вы всё ещё его любите? — спрашивает доктор.

Я могла бы соврать.

— Да.

— Несмотря на всё, что произошло?

Я опускаю глаза на свои руки.

— Именно это я и пытаюсь вам объяснить. Любовь ведь не исчезает только потому, что рядом с человеком тебе было больно.

Он чуть наклоняет голову.

— Тогда вы приняли бы его обратно?

Раньше я тысячу раз задавала себе этот вопрос. И тысячу раз ответ был одинаковым. Да.

Неважно, сколько боли между нами осталось. Неважно, сколько ночей я пыталась понять, в какой именно момент всё разрушилось. Если бы он появился передо мной, я бы выбрала его снова. По крайней мере, раньше я в это верила.

— Нет.

Доктор Харрисон впервые за всё время смотрит на меня чуть внимательнее.

— Вы ответили довольно быстро.

— Потому что слишком долго думала об этом раньше.

— Когда ответ изменился? Я смотрю на серую стену за его плечом.

— Не знаю.

Это правда. Не было одного утра, когда я проснулась и вдруг перестала ждать. Просто однажды надежда перестала быть надеждой и стала чем-то, что не давало мне двигаться дальше.

— Наверное, когда я поняла, что любить человека и быть с ним — не всегда одно и то же.

Несколько секунд он молчит. Потом делает короткую запись.

— Тогда зачем вы здесь?

Я усмехаюсь. Если бы я сама знала, что именно хочу от этого разговора, возможно, меня здесь вообще не было бы.

— Я устала.

— От чего?

Я смотрю на него.

— От того, что всё ещё живу так, будто однажды он вернётся.

В кабинете становится тихо. Тикают часы. За дверью кто-то проходит по коридору. Обычный день продолжается, словно ничего особенного не происходит. А я впервые за десять месяцев признаю вслух, что больше не хочу ждать. Доктор Харрисон переворачивает страницу блокнота.

— Значит, начнём с того, почему вы всё ещё не можете его отпустить.

Я невольно улыбаюсь.

— Вам не понять.

Он не спорит. Не говорит, что понимает меня лучше, чем я сама.

— Возможно. Но я могу попытаться.

Я отвожу взгляд.

— С чего мне начать?

— С самого начала.

Конечно. Людям всегда нужно начало. Одна встреча. Один день. Одна точка, после которой всё изменилось. Будто в тот момент можно было заметить, что ты уже сделал первый шаг туда, откуда однажды не сможешь вернуться прежним. Я долго смотрю на стену за его плечом. Потом закрываю глаза. Тот день я помню слишком хорошо.

— Это было летом. Мне исполнилось восемнадцать. Доктор Харрисон ждёт. Я открываю глаза. — И когда я впервые увидела его, мне захотелось бежать.

Глава 1. Эмили

Серые стены — худший выбор для кабинета психотерапевта.

Неужели никто не подумал, что человеку, который и без того едва заставил себя сюда прийти, совершенно не хочется сидеть в комнате, похожей на бетонную коробку?

Я рассматриваю картины, развешанные напротив. На одной изображено что-то синее и бесформенное. На другой — одинокое дерево посреди белого поля. Третью я не понимаю вовсе: чёрная полоса пересекает красный круг, а вокруг разбросаны серые пятна.

Возможно, в этом скрыт глубокий смысл. А возможно, художник просто ненавидел людей.

В любом случае картины наводят на меня ещё большую тоску.

Мы сидим друг напротив друга в маленьком кабинете, где даже воздух кажется чужим. Между нами стоит низкий столик со стеклянным графином и двумя стаканами. В углу тикают часы. Каждая секунда звучит так громко, словно отсчитывает время до момента, когда я окончательно передумаю и сбегу.

Мужчине напротив около сорока. Может, немного больше. В тёмных волосах у висков уже пробивается седина. На переносице — очки в тонкой оправе. Светлая рубашка, тём-

ные брюки и коричневые туфли, которые почему-то кажутся мне единственной нормальной вещью в этом кабинете.

Пока я сидела в коридоре, ещё можно было убедить себя, что просто жду знакомого. Или ошиблась дверью. Или сейчас встану, спущусь по лестнице и никогда сюда не вернусь.

Но теперь я действительно здесь.

Напротив человека, которому должна объяснить, почему больше не справляюсь с собственной жизнью.

— Вы можете не торопиться, — произносит он.

Его голос спокойный, ровный. Возможно, таким и положено разговаривать с людьми, которые в любой момент могут разрыдаться, закричать или выбежать из кабинета.

Я смотрю на его бейдж.

Доктор Дэниел Харрисон.

Наверное, он ждёт, что я начну рассказывать. Выложу перед ним всю свою жизнь, словно содержимое сумки, а он внимательно переберёт каждое воспоминание и решит, что из этого можно оставить, а что давно пора выбросить.

Только я не знаю, с чего начать.

С того дня, когда он ушёл?

Или гораздо раньше — когда я впервые решила, что рядом с ним ничего по-настоящему плохого со мной случиться не может?

— Наверное, всё началось намного раньше, — наконец произношу я.

Собственный голос кажется мне чужим.

Доктор Харрисон коротко кивает.

— Продолжайте.

Я замолкаю.

Он берёт ручку и что-то записывает в блокнот. Тихое царапанье по бумаге действует мне на нервы.

Что именно он там пишет?

«Эмоционально нестабильна»?

«Склонна драматизировать»?

«Не способна отпустить бывшего спустя десять месяцев»?

Возможно, для этого существует какой-нибудь профессиональный термин, который звучит приличнее, чем «не умеет жить дальше».

Интересно, сколько людей сидело в этом кресле до меня. Сколько чужих историй он выслушал с таким же спокойным лицом.

Они приходили, рассказывали то, чего не могли сказать больше никому, а потом уходили. Их место занимал кто-то следующий.

Сегодня — я.

И через час, скорее всего, услышу что-нибудь о принятии, проживании эмоций и необходимости дать себе время.

Словно десяти месяцев было недостаточно.

Он поднимает глаза.

— Вас беспокоит, что я записываю?

Я вздрагиваю.

— Нет.

— Вы смотрите на мой блокнот с того момента, как я взял ручку.

— Просто интересно, что такого важного я уже успела сказать.

Уголок его губ едва заметно приподнимается.

— Пока я записал только то, что вы начали не с его ухода.

— И что это означает?

— Я ещё не знаю.

Мне не нравится этот ответ.

Я ждала привычной попытки разобрать меня за несколько минут, но он не торопится делать выводы.

Это раздражает ещё сильнее.

— Тогда зачем записывать?

— Чтобы позже не решить, будто с самого начала всё понимал.

Я изучаю его лицо, пытаюсь определить, шутит он или говорит серьёзно.

Никаких эмоций.

Только спокойное внимание, от которого мне становится неуютно.

Вчера вечером я и представить не могла, что окажусь здесь.

Ханна уже несколько недель пыталась убедить меня хотя бы поговорить с психотерапевтом. Я каждый раз отвечала одинаково: со мной всё нормально. Мне не нужна помощь постороннего человека. Я сама способна навести порядок в

собственной голове.

Но сегодня утром я открыла глаза и поняла: ещё один такой день я просто не выдержу.

Не произошло ничего особенного. Мне не приснился кошмар. Я не нашла старое сообщение и не услышала нашу песню.

Я просто лежала, смотрела в потолок и впервые признала то, что несколько месяцев старательно отрицала.

Сама я больше не справляюсь.

Я написала Ханне.

Через три минуты она прислала номер клиники и сообщение:

Только не передумай.

Я записалась на первый свободный приём.

Если ты каким-то образом слышишь меня — прости. Я не пытаюсь предать то, что было между нами. Просто больше не умею нести это одна.

Доктор Харрисон снова что-то записывает.

— Скажите, — неожиданно произношу я, — вы когда-нибудь любили?

Ручка замирает над бумагой. Он поднимает голову и смотрит на меня поверх очков.

— Почему вы спрашиваете?

— Потому что хочу знать, понимаете ли вы вообще, о чём я говорю.

— Вам кажется, что помочь может только человек, пере-

живший то же самое?

— Я не знаю. Возможно.

На самом деле знаю.

Человек, который никогда не просыпался среди ночи и первым делом не искал рядом того, кого там больше нет, не имеет права объяснять мне, как жить дальше.

— В моей жизни были люди, которые были мне дороги,
— отвечает доктор после короткой паузы. — Но, вероятно, я никогда не любил так, как это понимаете вы.

— То есть нет.

— Вероятно, нет.

— И вы собираетесь помочь мне, даже не зная, что это такое?

— Я не говорил, что не знаю, что такое любовь.

— Вы только что сказали, что никогда не любили!

Я слышу, как повышается мой голос, но уже не могу остановиться. Всё раздражение, которое копилось с момента, когда я вошла в этот кабинет, наконец находит выход.

— Вы читали об этом в учебниках? Запоминали правильные ответы перед экзаменами? Любовь — не то, что можно выучить. Её нельзя разложить по пунктам и решить, что теперь всё понятно.

Доктор Харрисон молчит. Его спокойствие выводит меня из себя.

— Это когда человек незаметно оказывается во всём. В привычках. В планах. В том, как ты представляешь себе зав-

тра. Когда прощаешь ему то, за что другого давно вычеркнул бы из жизни. А потом он уходит, и ты какое-то время вообще не понимаешь, что делать с собой без него.

Я перевожу дыхание.

— Вы этого не знаете. Поэтому не сможете мне помочь.

— Возможно.

От неожиданности я замолкаю.

— Что?

— Возможно, я действительно не знаю вашу любовь, — повторяет он. — Я не видел вас вместе. Не слышал ваших разговоров. Не знаю, кем вы становились рядом с ним.

Он делает короткую паузу.

— Но вижу, что сейчас вам больно настолько, что вы пришли сюда.

Я отвожу взгляд.

— И что вы предлагаете?

— Сначала понять, чего вы ждёте от этих встреч.

Ответ появляется раньше, чем я успеваю придумать что-нибудь более разумное.

— Я хочу, чтобы всё это перестало занимать мою жизнь.

— Это возможно.

Я снова смотрю на него.

— А перестать помнить?

Харрисон молчит несколько секунд.

— Этого я вам обещать не могу.

Я горько усмехаюсь.

Прекрасно. Теперь мне ещё придётся объяснять Ханне, почему первый сеанс оказался последним. Я резко поднимаюсь с кресла и хватаю сумку.

— Спасибо за честность. Думаю, на этом мы можем закончить.

— Можем.

Он не останавливает меня. Не уговаривает сесть. Просто надевает очки и закрывает блокнот.

Это обижает сильнее, чем должно.

Наверное, я ожидала, что он хотя бы попытается доказать свою полезность. Скажет, что всё обязательно пройдёт. Что однажды я проснусь и больше ничего не почувствую.

Но он молчит.

— Всего хорошего, — бросаю я и направляюсь к двери.

— Эмили.

Моя рука замирает на ручке. Это первый раз, когда он называет меня по имени.

— Я не говорил, что не могу вам помочь.

— Вы только что сказали, что не можете дать мне то, чего я хочу.

— Потому что сейчас вы видите только два варианта: вернуть его или уничтожить всё, что с ним связано. Но между ними существует ещё один.

Я медленно поворачиваюсь.

— Какой?

— Помнить и продолжать жить.

Я сжимаю ремешок сумки.

— Звучит просто.

— Это не просто. Возможно, это окажется самым сложным из того, что вам приходилось делать.

Он немного наклоняется вперёд, положив ладони на закрытый блокнот.

— Вы называете эту любовь настоящей. Возможно, так и есть. Но настоящие чувства не исчезают по команде. Даже если человек разочаровал, причинил боль или ушёл, память не вычеркнет его только потому, что вы больше не хотите страдать.

Внутри всё сжимается.

— Он не просто ушёл.

Я отвечаю слишком быстро. Доктор Харрисон замечает это, но ничего не говорит. И от его молчания мне становится не по себе.

— Тогда что произошло?

Я крепче сжимаю ремешок сумки.

— Я не хочу об этом говорить.

— Хорошо.

— И не буду.

— Сегодня — не будете.

Снова эта самоуверенность.

— Вы правда думаете, что я сюда вернусь?

— Думаю, часть вас уже решила вернуться. Та самая часть, которая заставила вас сегодня утром всё-таки запи-

саться на приём.

— Вы слишком высокого мнения о себе.

— Это вполне возможно.

Я почти усмехаюсь, но вовремя останавливаюсь.

— И что вы собираетесь делать, если я вернусь?

— Не позволять вам прятаться за красивыми словами о любви.

Его ответ задевает.

— Я не прячусь.

— Тогда расскажите, что произошло десять месяцев назад.

Я чувствую, как воздух застревает в лёгких. Перед глазами на мгновение возникает его лицо.

Твёрдый взгляд. Сжатые губы. Рука на дверной ручке.

И последние слова, которые я так и не смогла забыть.

Я отворачиваюсь.

— Мне пора.

— Хорошо.

— И я не вернусь.

— Это тоже хорошо.

— Вас вообще что-нибудь способно вывести из себя?

— Разумеется.

— Например?

Он бросает короткий взгляд на блокнот.

— Когда на него смотрят так, будто там уже написан диагноз.

Я всё-таки улыбаюсь.

Всего на секунду.

Потом вспоминаю, что злюсь, открываю дверь и выхожу в коридор. Только оказавшись на улице, я понимаю, насколько душно было в кабинете.

Или дело вовсе не в воздухе.

Телефон вибрирует в сумке.

Ханна:

Ну что? Ты была на приёме? Я уже в BN3. И даже не думай сбегать.

Я смотрю на сообщение, затем на стеклянные двери позади себя. Больше я сюда не вернусь.

Никогда.

Я:

Была. Это катастрофа. Скоро приеду.

Убираю телефон и направляюсь к машине. В голове всё ещё звучит спокойный голос доктора Харрисона.

Помнить и продолжать жить.

Легко сказать.

Он никогда не любил. Откуда ему знать, что иногда воспоминания — это единственное, что удерживает тебя на плаву?

И одновременно медленно тянет ко дну.

Глава 2. Эмили

Иногда мы ждём возвращения человека так долго, что само ожидание становится частью жизни.

Вот и он — BN3. Высокое здание полностью выкрашено в чёрный. Ни одного окна, только тяжёлая стеклянная дверь и мерцающая белая вывеска. Днём клуб похож на заброшенный склад. Ночью достаточно открыть дверь, и наружу вырываются музыка, свет и чужие голоса.

Я люблю это место. Здесь темно настолько, чтобы никто не заметил твоего лица, если вдруг станет плохо. Музыка заглушает мысли, а людям вокруг совершенно безразлично, кем ты была до того, как вошла. После его ухода это оказалось особенно удобно. Я толкаю дверь. Бас ударяет в грудь. Синие и фиолетовые лучи режут полумрак, в воздухе смешиваются запахи алкоголя, сладких духов и сигарет. Ханна сидит за нашим обычным столиком. Перед ней высокий бокал с чем-то ярко-красным и телефон, лежащий экраном вверх. Увидев меня, она вскидывает руки.

— Эмили Уотсон! Ты всё-таки решила почтить меня своим присутствием?

— Чёрт, Ханна, прости. Такие пробки — просто ужас. Кто вообще выдаёт этим людям права?

— Спокойно. Сначала вдохни, потом начинай ненавидеть человечество.

Я опускаюсь на диван напротив неё и бросаю сумку рядом.

— Я серьёзно. Один придурок перестраивался через три полосы и даже не включил поворотник.

— Эм.

— Что?

— Ты была на приёме?

Я закатываю глаза. Конечно. Ни одного шанса хотя бы пять минут поговорить о чём-нибудь другом. Ханна выглядит почти вызывающе спокойной. Русые волосы распущены, на ней чёрные джинсы и такая же тёмная блузка. Из украшений только маленькие серьги. Она вообще любит простоту. Правда, исключительно в вещах.

— Была, — отвечаю я. — И больше туда ни ногой.

— Настолько плохо?

— Ты даже не представляешь.

— Попробуй.

Я откидываюсь на спинку дивана.

— Он записывал почти всё, что я говорила. Потом сказал, что не может помочь мне перестать помнить.

— И?

— Что значит «и»?

— Что было дальше?

— Предложил научиться с этим жить.

Ханна делает глоток.

— Звучит не ужасно.

— Очень удобно. Можно ничего не исправлять, а потом

сказать человеку, что так и должно быть.

Она прикусывает губу.

— Ты сейчас пытаешься не рассмеяться?

— Нет.

— Врёшь.

— Немного.

Я смотрю на неё.

— Я ещё спросила, любил ли он когда-нибудь.

Брови Ханны медленно поднимаются.

— На первом сеансе?

— Да.

— Понятно.

— Что тебе понятно?

— Почему он тебе не понравился.

— Он сказал, что в его жизни были люди, которые были ему дороги. Но так, как понимаю любовь я, он, скорее всего, никогда не любил.

— И ты решила, что после этого он автоматически некомпетентен?

— Я решила, что человек, который этого не чувствовал, не должен объяснять мне, как с этим жить.

— Чтобы помочь тебе, ему необязательно прожить твою жизнь.

— Это ты несколько недель заставляла меня записаться, а теперь ещё и защищаешь его?

— Я заставляла тебя сходить на терапию. Не нанимала че-

ловека, который будет соглашаться с каждым твоим словом.

— Предательница.

— Я стараюсь.

Я беру салфетку и начинаю складывать её пополам.

— И вообще, — продолжает Ханна, — перестань говорить о любви так, будто это редкое заболевание, которым ему нужно сначала заразиться.

Я поднимаю глаза.

— Ты сейчас назвала мою любовь болезнью?

Она морщится.

— Прозвучало хуже, чем в голове.

— Намного.

Улыбка исчезает с её лица. Несколько секунд между нами только музыка. Я знаю, что она не хотела сделать больно. Но последние месяцы люди смотрят на меня примерно одинаково. Осторожно. С жалостью. Словно со мной что-то случилось и теперь главное — найти правильное лечение. Я не хочу лечиться от него. Я хочу только одного. Чтобы перестало болеть. И почему-то никто не может объяснить, возможно ли одно без другого.

— Может, Харрисон не такой уж плохой, — произносит Ханна. — По крайней мере, не стал обещать то, чего не сможет сделать.

— Больше я туда не пойду.

— Посмотрим.

— Почему сегодня все решили, что знают меня лучше,

чем я сама?

— Потому что иногда ты себя вообще не слышишь.

Я бросаю салфетку на стол.

— Ханна.

— Всё. Молчу.

К нам подходит официантка. Я заказываю газированную воду со льдом. Алкоголя сегодня не хочется. В голове и без него всё плывёт. Ханна ждёт, пока девушка отойдёт. Пять секунд. Десять.

— Что? — спрашиваю я.

— Прошло десять месяцев.

Я прикрываю глаза. Её обещание молчать продержалось дольше, чем ожидалось.

— Я знаю.

— Тогда почему ты продолжаешь жить так, будто всё произошло вчера?

Я смотрю на танцпол. Люди двигаются под музыку. Кто-то смеётся, кто-то целуется, кто-то уже завтра не вспомнит имя человека, которого сейчас держит за талию.

— Потому что для меня это и было вчера.

— Но жизнь не остановилась.

— Моя остановилась.

— Нет, Эм. Ты её остановила.

Я поворачиваюсь к ней.

— Спасибо. Очень помогает.

— Я не пытаюсь быть милой.

— Заметно.

— Я пытаюсь вернуть подругу.

Эта фраза заставляет меня замолчать. Ханна смотрит прямо на меня.

— Где ты?

— Перед тобой.

— Нет.

Я отвожу взгляд.

— Та Эмили могла сорваться куда-нибудь в три часа ночи просто потому, что нам стало скучно. Могла два дня рисовать вместо сна, а потом вытащить меня на завтрак. Смех у неё был такой, что люди за соседними столиками оборачивались.

— Люди меняются.

— Ты не изменилась.

Она делает паузу.

— Ты исчезла.

Официантка ставит передо мной воду. Я благодарю её и обхватываю стакан ладонями. Пузырьки медленно поднимаются со дна. Иногда я тоже пытаюсь вспомнить себя до него. Что любила. О чём думала. Кем собиралась стать. Но любое воспоминание рано или поздно приводит к тому лету. Словно моя настоящая жизнь началась в день нашей встречи, а всё остальное случилось с кем-то другим.

— У тебя есть Нейт, — говорит Ханна.

Я закрываю глаза. Конечно. Рано или поздно любой раз-

говор обязательно приходит к Нейту.

— При чём здесь он?

— При том, что рядом с тобой человек, который тебя любит.

— Мы встречаемся.

— Я знаю.

— Тогда в чём проблема?

— Ты правда хочешь, чтобы я ответила?

Нет.

— Говори.

— Ты держишь его рядом, но всё время оставляешь дверь открытой для другого.

Пальцы сильнее сжимают стакан.

— Это неправда.

— Каждый раз, когда звонит телефон, ты сначала надеешься увидеть одно имя. И только потом читаешь то, которое появилось на экране.

Я ничего не отвечаю. Потому что иногда ненавижу Ханну именно за то, насколько хорошо она меня знает. Нейт хороший. Иногда даже слишком. Терпеливый. Спокойный. Заботливый. Он не вытягивает из меня ответы, к которым я не готова. Не требует забыть прошлое, чтобы доказать чувства к нему. И почти никогда не сравнивает себя с человеком, чьё имя мы давно перестали произносить. Он знает, почему всё закончилось десять месяцев назад. Точнее, знает ту часть истории, которую я способна рассказывать. И всё равно оста-

ётся. Иногда мне кажется, что то, что я чувствую к Нейту, уже и есть любовь. Просто совсем другая. С ним спокойно. И именно это сбивает меня с толку. Я слишком долго считала, что любовь должна выбивать воздух из лёгких, заставлять бояться и превращать обычное сообщение в событие дня. А рядом с Нейтом я могу просто быть. Иногда мне этого достаточно. Иногда кажется слишком мало. И каждый раз, когда я позволяю себе стать к нему ближе, появляется вина. Будто счастье с другим человеком требует признать то, чего я всё ещё не готова произнести. Он не вернётся.

Телефон вибрирует в сумке. Ханна смотрит сначала туда, потом на меня.

— Нейт?

— Не знаю.

— Посмотри.

— Позже.

— Эмили.

— Я устала. Не хочу сейчас разговаривать.

— Со мной же разговариваешь.

— Уже начинаю жалеть.

По её лицу проходит короткая тень. Я сразу чувствую вину. Но извиняться не спешу. Иногда самые близкие люди считают, что имеют право сделать больно, если называют это заботой. Телефон замолкает.

— Ты ведёшь себя с ним нечестно, — тихо говорит Ханна.

— Не сегодня.

— Ты всегда говоришь «не сегодня».

— Значит, когда-нибудь потом.

— А если потом для него уже не будет иметь значения?

Я резко ставлю стакан на стол.

— Что ты хочешь от меня?

Она молчит.

— Думаешь, мне нравится так жить? Думаешь, каждое утро я открываю глаза и решаю испортить себе ещё один день? Я пытаюсь, Ханна. Правда пытаюсь.

Несколько человек рядом оборачиваются. Я понижаю голос.

— Просто иногда я не знаю, как.

Её взгляд смягчается.

— Вот это уже честнее.

Я опускаю голову.

— Я не умею иначе.

Слова вырываются сами. Ханна протягивает руку. На этот раз я не отстраняюсь. Её пальцы сжимают мои.

— Научишься.

Перед глазами почему-то появляется кабинет Харрисона.

«Не позволять вам прятаться за красивыми словами о любви.»

Я тут же прогоняю воспоминание.

— Скоро всё изменится, — говорю я. — Мы опять будем танцевать до утра, знакомиться с идиотами и смеяться над тем, как ты их отшиваешь.

— Хотелось бы.

— Обещаю.

Ханна смотрит на меня несколько секунд.

— Не обещай то, что от тебя не зависит.

Я открываю рот, но к столу подходит высокий блондин.

Судя по походке, равновесие сегодня уже не самая сильная его сторона. Он опирается рукой о стол.

— Детка, не хочешь выпить?

— Не хочет, — отвечает Ханна раньше меня.

Мужчина переводит взгляд на неё.

— Я вообще-то не тебя спрашивал.

— А я вообще-то не спрашивала, кого ты спрашивал. У неё есть парень. Иди дальше.

Он снова смотрит на меня.

— Может, девушка сама решит?

— Уже решила. Спасибо, но нет.

Несколько секунд он всё ещё стоит рядом, будто слово «нет» требует дополнительной расшифровки. Потом наконец уходит.

— Стерва, — доносится через несколько шагов.

— Спасибо! — радостно кричит Ханна ему вслед.

Я смеюсь. Не выдыхаю через нос. Не улыбаюсь. Смеюсь. По-настоящему. Ханна смотрит на меня и тоже начинает смеяться. На пару минут всё становится почти нормальным.

— Ты спасла меня.

— Запиши это в список причин, почему обязана любить

меня до конца жизни.

— Он уже слишком длинный.

— Я могу продиктовать продолжение.

— Не сомневаюсь.

Я допиваю воду.

— Мне пора.

Ханна тут же перестаёт улыбаться.

— Ты только пришла.

— Я устала.

— Хотя бы Нейту ответь.

— Отвечу дома.

Она поднимается и обнимает меня. Я утыкаюсь подбородком ей в плечо.

— Я люблю тебя, — говорит она тихо. — Но хочу, чтобы ты вернулась.

Я закрываю глаза.

— Я тоже.

Только не говорю, кого именно хочу вернуть.

Дома слишком тихо. После BN3 эта тишина почти звенит. Я закрываю дверь и несколько секунд стою в прихожей, прислонившись к ней спиной. Потом достаю телефон. Три пропущенных звонка. Два сообщения.

Нейт: *Ты в порядке?*

Следующее пришло двадцать минут назад.

Просто дай знать, что жива. Большие не буду отвлекать.

Я смотрю на экран. Могла бы объяснить. Телефон лежал

в сумке. Я была с Ханной. После терапии не хотела ни с кем разговаривать. Но Нейт и без объяснений поймёт последнее. Он почти всегда понимает.

Я:*Всё нормально. Я дома. Устала. Завтра позвоню.*

Ответ приходит почти сразу.

Нейт:*Хорошо. Спокойной ночи, Эм. Я люблю тебя.*

Три слова. Я смотрю на них дольше, чем нужно. Я уже отвечала ему тем же. Иногда совершенно искренне. Иногда потому, что очень хотела быть уверенной в собственной искренности. Сегодня пальцы не двигаются. Если написать «я тоже», ничего страшного не случится. Нейт обрадуется. Я усну. Утром всё останется на своих местах. И именно поэтому не могу.

Я выключаю звук. В спальне привычный беспорядок. На столе исписанные листы, открытый альбом, несколько кистей с давно засохшей краской. Рядом лежит незаконченный рисунок лицевой стороной вниз. Я не прикасалась к нему десять месяцев. И всё равно помню каждую линию. Его глаза. Я начала рисовать их в нашу последнюю ночь вместе. Не закончила. На бумаге они получались слишком живыми. Казалось, стоит добавить ещё несколько штрихов, и он посмотрит прямо на меня. Я отвожу взгляд. Возле кровати лежит «Грозовой перевал» с загнутыми страницами. На стенах картины, подаренные мамой. Я никогда их особенно не любила, но снять так и не смогла. Моя комната. Мои вещи. И почему-то почти ни в одной из них нет меня. Или наоборот. Меня

слишком много в каждой. Девушка, которая бросает картины незавершёнными. Покупает книги, чтобы жить в чужих историях. Хранит ненужные вещи, потому что не умеет отпускать то, что когда-то имело значение. Не только вещи.

Я переодеваюсь и ложусь в кровать. Перед глазами снова возникает Харрисон.

«Тогда что произошло?»

Я знаю.

Нет.

В этом и проблема. У меня слишком много версий одной правды. В одной виновата я. В другой он. Иногда всё разрушило расстояние. Иногда гордость. Иногда одна ночь. Иногда всё началось гораздо раньше. И ответ зависит только от того, по кому я сегодня скучаю. По настоящему человеку или по тому, каким сама его помню.

Я закрываю глаза. Завтра позвоню Нейту. Завтра извинюсь перед Ханной. Завтра выброшу рисунок. Завтра вообще удивительно удобное слово. А сегодня я просто хочу спать.

Звонок в дверь вырывает меня из сна. Я резко открываю глаза. Комната тёмная. Несколько секунд я вообще не понимаю, что произошло. Звонок повторяется. Смотрю на часы. Почти два. — Серьёзно?.. На секунду думаю о Нейте. Нет. После моего сообщения он бы сначала позвонил. Третий звонок. Может, кто-то ошибся квартирой. Я натягиваю одеяло выше. Четвёртый.

Не уйдёт.

— Иду.

Голос хриплый после сна. Я босиком выхожу в коридор. Холодный пол окончательно заставляет проснуться. Подхожу к двери и на секунду замираю. Почему-то сердце начинает биться быстрее. Глупость. Просто Нейт решил, что мои слова ничего не значат. Или Ханна опять захотела спасти меня против моей воли. Я поворачиваю замок, открываю дверь и перестаю дышать.

На пороге стоит он. Такой, каким я помню его последние десять месяцев. Чёрные брюки. Белая футболка. Волосы немного длиннее. Почти чёрные глаза смотрят прямо на меня.

А потом он улыбается. Той самой улыбкой. От него пахнет знакомым парфюмом. Я выбрала этот аромат для него когда-то на Рождество. Он смеялся, что теперь никогда его не сменит, потому что мне слишком нравится прижиматься к его шее. Ноги становятся ватными. Нет. Этого не может быть. Он не может стоять здесь.

Я представляла этот момент столько раз, что теперь не понимаю, наконец ли он случился или я просто ещё не проснулась. Он склоняет голову набок. — Привет, любимая. Голос стал немного грубее, а я ведь просила его бросить курить. Он смотрит на меня так спокойно, будто просто вернулся с работы. Будто не прошло десять месяцев.

— Скучала?

Я не отвечаю.

Он улыбается чуть шире.

— Я знаю, что да.

Передо мной стоит человек, которого я столько раз просила вернуться. Живой. Настоящий. Родной. И почему-то первое, что я чувствую, — не счастье. Страх.

Глава 3. Эмили

Иногда самое страшное — получить именно то, о чём просил слишком долго.

Я не двигаюсь. Он всё ещё стоит на пороге. Смотрит на меня почти чёрными глазами и ждёт, а я продолжаю держаться за дверную ручку, будто она единственное, что не даёт мне упасть. За последние десять месяцев я представляла его возвращение сотни раз. В одних версиях бросалась ему на шею. В других сначала била по лицу. Иногда захлопывала дверь и чувствовала что-то похожее на удовлетворение от того, что теперь больно не только мне. Ни одна из этих версий не подготовила меня к настоящей.

— Эм? — Его улыбка становится мягче. — Тыпустишь меня или мы так и будем стоять в дверях?

Голос появляется не сразу.

— Что ты здесь делаешь?

— Я тоже рад тебя видеть.

— Я серьёзно.

— Я знаю.

Он говорит спокойно. Слишком спокойно для человека, который десять месяцев назад исчез из моей жизни и теперь почему-то стоит у моей двери в два часа ночи. Злость наконец пробивается сквозь оцепенение. Я должна спросить, где он был. Почему молчал. Почему позволил мне столько меся-

цев ждать человека, который даже не попытался вернуться. Но все вопросы сталкиваются с одной простой мыслью. Он здесь. Настоящий. До боли знакомый. И этого оказывается достаточно, чтобы злость потеряла половину своей силы.

— Ты изменился, — произношу я.

Он приподнимает бровь.

— Разве?

— Голос.

— Что с ним?

— Стал грубее.

Он тихо смеётся.

— Десять месяцев не виделись, а ты решила начать с критики.

— Я просила тебя бросить курить.

— Помню.

— Не бросил.

Улыбка немного гаснет.

— Не смог.

Почему-то именно эти два слова попадают куда-то глубже, чем должны. Не смог. Я знаю это чувство слишком хорошо. Можно понимать, что что-то разрушает тебя. Можно каждый вечер обещать себе остановиться и каждое утро начинать заново. И всё равно возвращаться. Он делает шаг ко мне. Я отступаю.

— Не надо.

Он сразу останавливается.

— Боишься меня?

— Нет.

— Тогда чего?

Я смотрю на его лицо. Боюсь, что всё это исчезнет, если я позволю себе поверить. Боюсь, что десять месяцев ожидания сделали с моей головой что-то необратимое. Боюсь прикоснуться.

— Не знаю.

Он долго смотрит на меня. Раньше я ненавидела этот взгляд. Мне казалось, он видит слишком много. Даже то, чего я сама ещё не успела понять.

— Я скучал, — говорит он.

Всего два слова. И внутри что-то ломается. Я ждала их. Каждую ночь, когда телефон лежал рядом на подушке. Каждый раз, когда слышала похожий голос в толпе и оборачивалась раньше, чем успевала остановить себя. Каждый раз, когда дверь лифта открывалась и сердце на секунду решало, что это может быть он.

— Не говори так.

— Почему?

— Потому что не имеешь права.

— Знаю.

— Нет. Не знаешь.

Он не спорит. Это первое, что кажется неправильным. Раньше он спорил всегда. Иногда просто потому, что мог.

— Тогда расскажи, — произносит он.

— Что?

— Что я не знаю.

В его голосе нет раздражения. Никакой защиты. Никакой привычной попытки доказать свою правоту. Я должна заметить это. Должна насторожиться. Вместо этого думаю только о том, что он вернулся. Он снова делает шаг. На этот раз я остаюсь на месте. Ладони ложатся мне на талию. Осторожно. Будто разрешение ещё можно отозвать. Я чувствую знакомый аромат и закрываю глаза раньше, чем его губы касаются моих. Первое мгновение не отвечаю. Ладони упираются ему в грудь.

Тепло. Дыхание. Сердцебиение под пальцами.

Всё настолько настоящее, что остатки сопротивления исчезают. Я отвечаю на поцелуй. Слишком быстро. Слишком легко. Пальцы сжимают его футболку, будто где-то внутри я всё ещё уверена: если отпущу, он снова уйдёт. Я забываю о десяти месяцах. О том, сколько раз ненавидела его. О Нейте. О сообщении, на которое так и не ответила. Есть только знакомые губы и руки, которые я столько раз пыталась забыть. Я ненавижу себя за то, насколько легко он снова становится центром всего. Когда он отстраняется, я всё ещё держусь за его футболку.

— Всё хорошо, — шепчет он.

Я открываю глаза.

— Нет.

Улыбка исчезает.

— Знаю.

И это почему-то ещё хуже. На глаза наворачиваются слёзы.

— Такое ощущение, будто прошло лет сто.

— Для меня тоже.

— Тогда почему ты не вернулся?

Он на мгновение отводит взгляд. Вот. Наконец что-то настоящее.

— Эм...

— Нет. Ты пришёл сюда в два часа ночи. Значит, говори. Несколько секунд он молчит.

— Я думал, что так будет лучше.

Я смеюсь. Звук получается неприятным.

— Для кого?

— Ни для кого, как оказалось.

— Десять месяцев понадобилось, чтобы понять?

— Да.

Ответ приходит слишком легко. Я ждала оправданий. Обстоятельств. Длинного объяснения, после которого всё станет либо лучше, либо окончательно разрушится. Вместо этого он просто стоит передо мной.

— Я не мог ждать до утра, — добавляет он.

Слова звучат именно так, как я когда-то хотела их услышать. Слишком точно. Но сейчас мне всё равно.

— Будешь чай?

Он улыбается.

— Ты всё ещё пьёшь чай среди ночи?

— А ты всё ещё отвечаешь вопросом на вопрос?

— Значит, не всё изменилось.

Я отхожу, пропуская его внутрь. Дверь закрывается. Щёлкает замок. Я несколько секунд смотрю на его спину. Когда-то знала каждое его движение. Как он проводит рукой по волосам, когда нервничает. Как чуть напрягаются плечи, когда злится. Как наклоняет голову, когда пытается понять, вру я или просто сама не знаю правды. Сейчас он одновременно самый знакомый и самый чужой человек в моей квартире.

— Здесь почти ничего не изменилось, — говорит он.

— Разочарован?

— Нет.

Он осматривает гостиную.

— Думал, ты избавишься от всего, что напоминает обо мне.

— Я пыталась.

Он переводит взгляд на меня.

— И как?

— Как видишь.

Ложь. Я ни разу не пыталась по-настоящему. Складывала вещи в коробки и доставала обратно. Прячала фотографии, а ночью снова искала. Удаляла сообщения, предварительно сохранив переписку. Я хотела избавиться от боли. Не от него. На кухне включаю свет и ставлю чайник. Руки всё ещё дрожат. Он остаётся в дверях и просто смотрит.

— Перестань.

— Что?

— Смотреть на меня.

— Не могу.

— Почему?

Он отвечает почти сразу: — Боюсь отвернуться, а тебя уже нет.

Я замираю. Эти слова должны принадлежать мне. Чайник начинает шуметь. Я отворачиваюсь и достаю две чашки.

— Я никуда не исчезну.

Обещание звучит странно. Но он только подходит ближе, его руки обхватывают меня сзади. Подбородок касается моих волос. Я закрываю глаза. Вот по чему я скучала сильнее всего. Не по поцелуям. Даже не по словам. По этому ощущению. Будто, пока его руки вокруг меня, мир может сколько угодно рушиться снаружи, но сюда не доберётся. Глупее всего то, что именно он доказал мне обратное.

— Я не смог без тебя, — тихо говорит он.

Я поворачиваюсь.

— Что?

Он отпускает меня, но остаётся рядом.

— Пытался жить дальше. Работал. Почти не оставался один. Первое время даже думал, что всё получится.

— А потом?

Он смотрит мне в глаза.

— Потом понял, что всё равно ищу тебя во всём.

Воздух застревает в груди.

— Не надо.

— Ты не хочешь знать?

— Хочу.

Голос предательски дрожит.

— Поэтому и не надо.

Он касается моей щеки.

— Я люблю тебя.

Вот и всё. Три слова, которые я столько месяцев мысленно вкладывала в его рот. Я должна злиться. Спросить, почему любовь не заставила его позвонить раньше. Почему она не помешала ему уйти. Почему он пришел только сейчас. Вместо этого я плачу. Тихо и почти беззвучно.

— Ты оставил меня.

— Знаю.

— Ты обещал, что мы справимся.

— Знаю.

— А потом тебя просто не стало.

Он стирает слезу большим пальцем.

— Прости.

Я закрываю глаза. Я столько раз представляла это слово. Оно должно было что-то исправить. Но сейчас кажется слишком маленьким.

— Этого недостаточно.

— Я знаю.

— Тогда почему ничего больше не говоришь?

Он молчит несколько секунд.

— Потому что боюсь снова сказать именно то, что ты хочешь услышать.

Я открываю глаза. Этого ответа я не ожидала.

— И что ты хочешь сказать?

— Что мне жаль. Что я скучал. Что люблю тебя. И что не знаю, хватит ли этого, чтобы исправить то, что произошло.

Впервые за весь вечер слова не звучат идеально. И именно поэтому я верю им сильнее.

— Я ждала тебя, — признаюсь я. — Каждый день.

Он закрывает глаза на секунду.

— Знаю.

— Не можешь знать.

— Тогда надеялся.

Я вытираю щёки ладонями. Чайник давно выключился.

— Чай.

— Что?

— Я поставила чайник.

Он улыбается.

— Очень важная проблема.

— Иди в гостиную.

— Командуешь мной через пять минут после возвращения?

— Некоторые вещи не меняются.

Я заканчиваю с чаем и несу две чашки в гостиную. Он уже сидит на диване. Я устраиваюсь рядом, оставляя между нами

немного пространства. Он смотрит на него.

— Это обязательно?

— Да.

— Хорошо.

И не придвигается.

Ещё одна вещь, которой раньше почти наверняка не сделал бы. Несколько минут мы молчим. Я рассматриваю его, стараясь найти то, чего не замечала у двери. Тень усталости под глазами. Маленький шрам возле подбородка. Тонкая складка между бровями. Он почти не изменился. И всё-таки что-то не совпадает. Не лицо. Не голос. Будто я вспоминаю человека точнее, чем вижу его сейчас. Я моргаю. Ощущение исчезает.

— Что? — спрашивает он.

— Ничего.

— Ты всегда так говоришь, когда что-то есть.

— Просто смотрю.

— Насмотрелась?

— За десять месяцев?

Он слегка улыбается.

— Справедливо.

Я беру чашку, но не пью.

— Ты действительно вернулся?

— Я здесь.

— Это не ответ.

— А какой тебе нужен?

Я сама не знаю. Такой, после которого снова смогу дышать нормально.

— Ты больше не уйдёшь?

Улыбка исчезает. Он смотрит на меня слишком долго.

— Нет.

— Обещаешь?

Пауза. Короткая. Почти незаметная. Но я вижу.

— Обещаю.

Я хочу верить. Поэтому не задаю следующий вопрос. Мы говорим о мелочах. О вещах, которые не требуют объяснений. Он вспоминает, как я однажды заставила его посмотреть фильм, который сама же бросила на середине. Я напоминаю, как он отдал мне куртку под дождём, а потом неделю обвинял меня в собственной простуде. Какие-то истории я почти забыла. Другие помню слово в слово. Я смеюсь. Сначала осторожно, потом по-настоящему. Он смотрит на меня и тоже улыбается. Время постепенно теряет форму.

Чай остывает. За окном всё ещё темно. И чем дольше мы сидим рядом, тем сильнее мне кажется, что последних десяти месяцев не существовало. Будто я просто ненадолго вышла из нашей жизни и теперь вернулась. Он гладит мои волосы. Я кладу голову ему на плечо.

— Я скучала по этому.

— Я тоже.

— По чему именно?

— По тебе рядом.

Я улыбаюсь и переплетаю наши пальцы.

— Я люблю тебя.

Он не отвечает. Сначала я думаю, что не услышал.

— Ты слышал?

— Конечно.

Я приподнимаю голову.

— Тогда почему молчишь?

Его пальцы становятся холоднее. Совсем немного. Я сильнее сжимаю их.

— Что случилось?

— Ничего.

— Не ври.

Он смотрит на меня, и впервые за весь вечер в его взгляде появляется что-то, от чего внутри становится пусто. Не злость. Не вина. Печаль.

— Ты снова собираешься уйти?

— Нет.

— Тогда что?

Он касается моей щеки.

— Я просто хотел увидеть тебя ещё раз.

Сердце сжимается.

— Что значит «ещё раз»?

Комната почему-то кажется темнее. Я моргаю. Его лицо на мгновение теряет резкость. Будто между нами проходит тонкая пелена.

— Что происходит?

— Ты устала, Эм.

— Нет.

— Очень устала.

— Не говори ерунду.

Я крепче держу его руку. Пальцы скользят в моей ладони.

— Не надо.

Он улыбается. Та самая улыбка. Спокойная. Нежная. И теперь от неё мне страшно.

— Просыпай

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.